

Линь Цинъюй усмехнулся, затем покачал головой и сказал: "Я в это не верю".

На вершине невидимой головы лицо Чжао Иньфэн печально вспыхнуло, а затем она улыбнулась: "Да, но мое тело непослушно. Я могу только разговаривать с тобой. Что я могу сделать? Я могу только надеяться, что ты в безопасности. Вы также можете быть спокойны несколько раз".

Это физическая сделка? Толкнув его, Линь Цинъюй сказал: "Я ухожу".

"Подожди, я вскипачу воду, помоюсь, а потом пойду". Чжао Иньфэн обнял ее, поднял одеяло и встал. Как только он подошел к двери, то увидел, что дверная занавеска открыта, и на ней стоит деревянная бочка с паром. Вошел.

Облившись горячей водой, Линь Цинъюй вымыл тело, оделся, затем поднял полотняный мешок, лежавший в конце кровати, повернул голову, чтобы посмотреть на Чжао Иньфэна, и увидел, что на его лице есть нежные импульсы, которые успели угаснуть. Он был поражен, а когда присмотрелся, на его лице снова появилась улыбка с некоторым презрением.

"Я покидаю Пекин на восьмой день восьмого класса. Я сам купил этот двор. Больше никто не знает. Ключ от двора лежит в сумке. Если что-то пойдет не так, вы можете прийти сюда и найти продавца булочек в переулке. Пришли мне письмо". Увидев, как Линь Цинъюй надел большой плащ и вышел на улицу, Чжао Иньфэн повысил голос и сказал: "Я здесь на шестой и седьмой день шестого и седьмого дня. Если ты придеешь, я дам тебе еще один подарок".

Линь Цинъюй сделал паузу, затем вышел, занавес двери упал, оставив только комнату со слабым туманом.

Чжао Иньфэн подвинул свое тело, уронил голову на подушку и накинуд одеяло на голову, бормоча про себя: "Дурак! Ты ей совершенно безразличен! Даже если ей угодить, ей не будет до тебя никакого дела! !"

Выйдя из больницы, Линь Цинъюй сказал низким голосом: "Девять, немедленно найди Янь Ци и Тринадцатого".

"Хорошо, сначала я отведу тебя обратно". ответил Ин Цзю и помог ей сесть в маленькую карету.

Только сев, Линь Цинъюй снова затащил Ин Цзю в карету, посмотрел на его кровоточащее красное лицо и спросил, "Что случилось?".

Лицо Ин Цзю, казалось, покраснело еще больше, она прикусила губу и отвернула голову в сторону, пробормотав: "Все в порядке, я пойду поведу машину".

Линь Цинъюй на мгновение опешил, потом вдруг притянул его голову к себе, поцеловал его искусанные и кровоточащие губы и прошептал: "Сегодня вечером ты сможешь отвезти меня в башню Баохуа?".

"Хорошо!" Дрожащий ответ вырвался из уголка рта Инцзю, и поцелуй стал еще глубже.

Как только я вошла в свой двор, я почувствовала тонкий аромат, который отличался от изящных цветов сливы и элегантных орхидей в оранжерее Дингуо Гунфу. Это был свежий, насыщенный и освежающий аромат.

Вдоль променада расположились живые нарциссы, весенняя слива, фрезия, весенняя орхидея, хризантема фрезия, кливия и другие цветы, горшки с которыми под отражением снега излучали необычайно яркие цвета.

Линь Цинъюй прошел вдоль линии цветов, неохотно моргая глазами, и вошел в спальню, увидев, что комната также полна цветов, отчего она ожила.

Хэ Ли ставил последний горшок с орхидеями, убирая желтые листья, и, увидев вошедшего Линь Цинъюя, оглянувшись, улыбнулся и сказал: "Я вернулся".

"Откуда он у тебя?" удивленно спросил Линь Цинъюй.

Хэ Ли шагнул вперед и освободил для нее плащ, затем прикрыл обеими руками ее прохладную руку и непринужденно ответил: "Когда я ходил на Западный рынок за овощами, я увидел, что там продаются цветы, и купил несколько штук. Ты Куда ты ходила сегодня?"

Передав сумку в руки Хэ Ли, Линь Цинъюй расстегнул пальто и откинулся на мягкое сиденье. Это было похоже на призыв Чжао Иньфэна к борьбе, что было очень утомительно.

Он с сомнением открыл матерчатую сумку, и когда достал карту военного гарнизона, глаза Хэ Ли внезапно стали еще глубже.

Он положил карту на книжный шкаф.

Прочитав ее некоторое время, Хэ Ли спросил: "Где ты ее взял?". Он услышал ленивый и слабый голос позади себя: "Это дал Чжао Иньфэн". Хэ Ли удивленно повернул голову, но увидел, что Линь Цинъюй откинулся на мягкое сиденье, закрыл глаза и заснул.

Улыбнувшись, Хэ Ли приобнял ее за плечи к кровати, снял пальто, туфли и носки, накрыл одеялом, вынес картину из спальни, кивнул Сум и позвал Мэн Су Гаолю, который только что вошел в дверь, в кабинет. .

"Если эта картина правда, то основные силы Чжао Цзяцзюня будут переброшены на охрану Бяньцзина!" удивленно сказал Мэн Су.

"От Ючжоу до Бяньцзина изначально была карта Пинчуаня. Даже если бы она не была перенесена обратно, Чжао Цзяцзюню было бы очень легко напасть на Бяньцзин". Хэ Ли посмотрел на рисунок, нахмурился и сказал: "Только оставив пять лагерей в Ючжоу, они просто Так уверен, что Сяо Суй не воспользуется вакансией, чтобы войти?"

"На нескольких перевалах, прилегающих к нашему Хедуну, нет войск. Они не боятся, что мы нападём сбоку?" спросил Гао Лю.

"Если эту картину устроил Чжао Иньфэн, то нет, это не должен быть метод Чжао Иньфэна. Если это Чжао Минлян, то он считает, что это ведет нас в кольцо окружения. Видите ли, они сильны с обеих сторон. Если бы мы атаковали с перевала, да еще с солдатами из Ючжоу, они могли бы просто устроить нам засаду с трех сторон". Хэ Ли усмехнулся уголком рта и сказал: "Я действительно презираю нас".

"Семья Чжао, что вы хотите сделать?" нерешительно спросил Мэн Су.

На мгновение все замолчали, а Хэ Ли холодно фыркнул и сказал: "Нас заставили подумать об этом, семья Чжао, боюсь, мы планировали это десятилетиями."

Колесо повозки захрустело по снегу и издало скрипучий звук, отчего в молчаливой повозке вспыхнули внезапные эмоции.

После того, как Ин Цзю закончила говорить, Янь Ци наполовину подперла голову о стену машины и сказала низким голосом: "Тринадцатый, я хочу, чтобы они сначала остановились и залегли в спячку. Нет важных новостей, которые нужно передать, особняк Чжао, дворец, дворец Дуна, остановитесь, не впускайте людей."

"Да." ответил Ин Шисань, прыгнул с кареты и исчез в толпе.

"Мастер Ци?" обеспокоенно позвал Ин Цзю.

"Ин Цзю, ты сказал, что если я умру, она будет грустить?" спросила Янь Ци, подняв голову, со следами самоуничтожения на бледном лице.

"Мастер Ци, вы знаете это". Ин Цзю не заметил, что его голос стал немного выше, и посмотрел на Янь Ци с неодобрением.

Естественно, я знал, я просто хотел, чтобы она больше заботилась обо мне. Янь Ци повернула голову к окну и открыла занавеску, чтобы посмотреть на оживленную толпу снаружи. Хотя шел снег, жители Бяньцзина бросились покупать все подряд. Что-то вроде новогодних товаров. Он действительно заметил, что за ним кто-то следит, но он не ожидал, что это Рен Дунцин. У Рен Донгцина была своего рода одержимость. Если эта одержимость передалась и этому мужественному Донг Я Нею, то он действительно был одержим. Опасность, Е Шии и Лу Яо там нет. Мастера семьи Донг - это не то, с чем они могут справиться. Если их поймают, он предпочтет не просто умереть, а умереть так, чтобы его тело было сломано, чтобы его нельзя было нарушить. .

"Мастер Ци!" Глядя на непоколебимо решительный цвет на лице Янь Ци, Ин Цзю снова позвал.

"Я не могу передать это дело ей". Янь Ци оглянулся, увидел беспокойство и тревогу на лице Ин Цзю и слегка улыбнулся.

"Если Чжао Иньфэн будет лидером, ты уверена, что сможешь победить?" Чэн Цзя с хорошим настроением стряхнул нежный цветок нарцисса, а затем сказал: "Кроме того, кто может знать, правдива эта картина или нет? Может быть, кто-то сделал ее счастливой?"

"Это не будет подделкой.

" Лин Цинъюй зевнула, прикрыв рот рукой, затем покачала головой, чтобы протрезветь: "Ему не нужно давать мне фальшивку, тем более он сказал, что Чжао Минлян и тот умер недавно Старик часто корректирует свои войска, это не окончательная договоренность."

"Если ты действительно против лидера Чжао Иньфэна, то эта битва не будет хорошей". реалистично сказал Хэ Ли: "Я проверил предыдущие битвы Чжао Иньфэна. Он очень гибкий и подвижный, и его боевая мощь черной кавалерии не уступает нашей кавалерии. Если бы не постоянное подавление семьи Чжао, он действительно смог бы отвоевать Кюсю у Янъюня."

"Этот парень действительно так силен?" Рука Линь Цинъюй замерла, и он удивленно посмотрел на обоих. Увидев, что Чэн Цзя и Хэ Ли кивнули, он не удержался и сказал: "Но с чего я взял, что он особенный человек!" Лянь *** *Такое можно написать два раза подряд, что же будет во второй?

"Как ты думаешь, кто этот генерал?" спросил Хэ Лисяо.

"Чжао!" На лице Лин Цинъюя появилась ностальгия, и он сказал: "Чжао от природы нежный, внимательный, добросердечный, ласковый и праведный человек, интроверт, занимающийся самосовершенствованием и ответственный!"

Лицо Чэн Цзя немного напряглось, разве можно такими словами описать этого Ян Чжао? Тот Ян Чжао, который мог убить десятки тысяч людей, не моргнув глазом в битве, и тот Ян Чжао, который даже не принял капитуляцию? Ян Чжао мягкий? Добрый?

Хэ Ли улыбнулся, как и ожидалось, и сказал: "Тогда ты знаешь, что в Хэйшуйгуане или у народа Ляо генерал называется Юймянь Шура? Народ Ляо даже использует его, чтобы пугать вечером. Плачущий ребенок, потому что генерал всегда был безжалостным и неумолимым. В семье Ян никакая личная привязанность не может сравниться с военным уставом. Генерал никогда не говорит о привязанности".

А? Лин Цинъюй безучастно посмотрела на Хэ Ли, - Это правда? Нет, я думаю, что Ян Чжао очень привязан к тебе!

Правда ли, что я смотрю на людей только внешне?

"Ну, а кем ты меня считаешь?" спросила Чэн Цзя, указывая на свой лоб.

"Ты?" Линь Цинъюй тут же сменил выражение лица на презрительное и сказал: "Старый лис!".

Чэн Цзя показал обиженное выражение лица, схватился за грудь и сказал: "Я так молод, поэтому я должен быть маленьким лисом!"

"Значит, если верить твоим словам, Чжао Иньфэн на самом деле очень силен?" Не обращая внимания на Чэн Цзя, Линь Цинъюй повернулся к Хэ Ли и спросил.

"Чем он сильнее, тем больше он будет под запретом у Чжао Минляна". легкомысленно ответил Чэн Цзя. Мысли семьи Чжао уже были раскрыты, но как Чжао Минлян, сын семьи Чжао, мог допустить существование такой угрозы?

"Тебе не нужно ждать, пока они встанут. В следующем году найди причину и покинь Бяньцзин". Хэ Ли сузил глаза и торжественно произнес. Расположение семьи Чжао четко обозначило их амбиции. Будь то первый принц, второй принц или четвертый принц, она почти достигла своего предела, Марс поднялся. На самом деле, она здесь мало на что влияет, поэтому лучше уйти пораньше.

"Что ж, пойдем в начале весны". Линь Цинъюй посмотрел на окно и кивнул. Он встал и быстро вышел из комнаты, бросился к Янь Ци, который шел снаружи, схватил Янь Ци за руку и сказал: "Янь Ци, в будущем тебе больше не разрешается выходить на улицу! Вы слышали это? Что бы ни случилось, даже если небо упадет, не выходи на улицу!".

Она выглядела очень встревоженной, ее глаза были полны беспокойства и тревоги, сердце Янь Ци внезапно потеплело, на ее бледном лице появилась улыбка, и она сказала: "Так ты меня терпеть не можешь?"

"Не шути!" громко сказал Линь Цинъюй.

Глаза Янь Ци сузились еще больше, она обхватила себя руками за талию, положила голову на

плечи и с улыбкой сказала: "Я знаю, если ты не выйдешь, они уже попросили их прекратить".

Все люди в Красном особняке были в спячке, но дела в магазине Линга шли все лучше и лучше.

Хань Мян был занят до 28 числа двенадцатого лунного месяца, и у него не было времени вернуться в свой дом. Хотя внизу бушевал темный прилив, поверхность Бяньцзина была полна. Пение и танцы поднимали настроение, а то, что привезли Рам и Су Хэсян, было предметами роскоши, которые любили жители Бяньцзина, и они стали еще популярнее.

После осенней охоты Янь Ци распускал всевозможные слухи о черных женщинах в гареме, различными способами отправлял людей к месту нужды или даже во дворец, но движение стало слишком большим и привлекло внимание окружающих. Теперь он превратился в Дремлющего, поэтому некоторые мастера были непосредственно назначены в Дингуо Гунфу в качестве темных охранников, в том числе и Инци.

Лежа между деревьями, завернувшись в толстую меховую одежду, подложив руки под голову, искоса поглядывая на группу людей, играющих в снежки и снеговиков у озера, Ин Ци также улыбается.

"Ин Ци!" Услышав чей-то крик под деревом, Ин Ци слегка подпрыгнул и спрыгнул вниз. Увидев Ин Цзю, держащую в руке пакет с шашлыком, она потеряла руки и улыбнулась: "О, хорошие вещи, спасибо".

Отложив вещи на камень, Ин Цзю прислонилась к скале, не сводя глаз с группы людей, которые уже вовсю начали играть в снежки.

Ин Ци откусил кусочек мяса и прищурил глаза. "Я никогда не думал, что мастерство Тринадцатого когда-нибудь станет таким хорошим, и я не ожидал, что смогу пить вино, которое ты прислала".

Ин Цзю прищурился и сказал: "Ты крал мои деньги, чтобы реже покупать вино?".

"Да, я не ожидал, что однажды я смогу есть и носить, не скрываясь, и мне не нужно будет охранять друзей". Глядя на Инцзю, Инци спросил: "Инцзю, ты тоже ее любишь?".

Увидев, что Ин Цзю кивнула, Ин Ци вздохнула и спросила "Как это?".

"Как это?" Ин Цзю изумленно оглянулся.

Увидев выражение лица Ин Ци, она откинула голову назад, указала на свою грудь и сказала: "Она полная, теплая, счастливая".

Ин Ци повторила сказанное, затем покачала головой и озадаченно сказала: "А как это на земле?"

Ин Цзю улыбнулась уголком рта и сказала: "После того, как в твоём сердце появится человек, для которого твоя собственная жизнь важнее всего остального, ты поймешь."

Хотя многие люди собирались войти во дворец на второй день, во дворце Дингуо в канун Нового года по-прежнему было шумно.

Медные монеты и серебро клали в большие бамбуковые корзины в корзинах на поле боевых

искусств, а затем по очереди с завязанными глазами доставали деньги из матерчатых карманов. Любой человек в особняке Дингуо, независимо от размера, возраста и должности. Вы можете отправиться в путешествие. С утра и до темноты на поле боевых искусств всегда слышен смех.

После наступления ночи новогоднюю трапезу тоже едят вместе. Пьют в большой чаше и едят большие куски мяса. После того как трапеза закончена, наверх выносят корзины с фейерверками, чтобы осветить все озеро Динху дневным светом.

Линь Цинъюй накрыл стол напротив павильона у воды с лучшими фейерверками на озере. На столе были разложены дынные семечки и фрукты, открыта дюжина столов для игры в маджонг, за которыми наблюдали играющие на улице служанки. Запуская еще один красивый фейерверк, Линь Цинъюй негромко сказал Хань Мяню: "В следующем году ищи возможности отправить этих маленьких служанок одну за другой. Давайте найдем возможность отправиться на ферму, начать весну, а затем покинуть Бяньцзин". Раньше люди на твоей стороне тоже были готовы".

Хань Янь кивнул. В эти дни он был так занят с лавочниками, но заработал много денег. Хотя эти предприятия имеют всевозможные названия и не имеют бренда Линга, он боится быть пойманным в это время. Как бы то ни было, деньги почти заработаны, и ветер, который должен дуть, подул, пора уходить.

Линь Цинъюй снова подошел к каждому столу, думая, что ему придется потеснить другого человека, чтобы изменить себя, но все здесь хорошо знают ее добродетель, пока она на столе, то в принципе нет необходимости играть в азартные игры, все зависит от нее. Она была бесстыдна сама по себе, даже Ин Цзю, которая обычно говорила, что никогда не будет говорить о двоих, покраснела и не посмела спуститься. В конце концов, Янь Ци уступил место Хань Сянь и отвел ее посидеть на мягком диване у озера. Чистила ей дынные семечки, рассказывала дворовые анекдоты, а разговоры превратились в объятия, за которыми виднелись звезды на небе, полным фейерверков.

"Я буду сопровождать тебя завтра". Только услышав о заднем дворе, Янь Ци вдруг сказала что-то вроде этого. Линь Цинъюй только подумал о том, чтобы механически кивнуть. Прежде чем кивнуть головой, он обернулся и сказал: "Нет".

"Я ношу женскую одежду и надеваю маску, которую дал Алан. Никто не узнает". Янь Ци потеряла плечо и сказала.

"Нет, во-первых, людям не разрешается входить во дворец, а во-вторых, на тебя уже пялятся, вдруг что-то случится?" Линь Цинъюй пожал плечами и сказал: "Янь Ци, я не хочу, чтобы с тобой произошел несчастный случай. Хорошо, что ты послушал меня в этот раз. Не волнуйся, теперь никто не посмеет меня трогать. Принцесса Хуаянь была изгнана из дворца, а принцесса Хуацин также была заключена с госпожой. В это время я все еще хочу переместить меня, разве это не поиск смерти? Хотя женщина из гарема глупа, она еще не так глупа".

"Но я не в своей тарелке, что мне делать?" Янь Ци слегка нахмурилась, щелкнула пальцами по ладони и прошептала: "Пока я думаю о тебе в месте, которое я не могу видеть, о котором я не могу позаботиться, мое сердце болит".

"Янь Ци", - вздохнул Линь Цинъюй и сказал: "Я иногда думаю о том, чтобы выбрать этот путь до конца". Верно? Взять тебя на эту дорогу жизни и смерти, да? I..."

В этот момент все фейерверки снаружи были запущены, а новый виток фейерверка еще не был зажжен, и небо потемнело. Янь Ци закрыла губы ртом, а затем снова выпустила его, и фейерверк вновь озарил ночь, а днем он улыбнулся и сказал: "Не волнуйся, раз нет пути назад, то продолжай, Янь Ци, всегда буду с тобой".

Я уже доволен. Если я могу оставить место в твоём сердце, то Янь Ци уже доволен. Янь Ци улыбается очень соблазнительно. Переполюняющие его счастье и сладость делают его лицо прекрасным, не имеющим себе равных в небе фейерверков. Он выглядел ошарашенным.

Однако Линь Цинъюй был трезв, чтобы Алан дал ему лекарство, а завтра он проспид до полудня.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2563138>